

Александр Иванченко

Фойворлд

Александр Иванченко

Фойворлд

«Автор»

2026

Иванченко А. М.

Фойворлд / А. М. Иванченко — «Автор», 2026

Космонавт летит далеко и долго, чтобы не сойти с ума от скуки, он играет в популярную игру Фойворлд.

© Иванченко А. М., 2026

© Автор, 2026

Александр Иванченко

Фойворлд

Глава 1. Новая игра.

Я очнулся в тесной спасательной капсуле — металлические стены тускло поблескивали в мерцающем свете аварийных ламп. Сердце колотилось где-то в горле: на миг показалось, что с кораблём случилась беда и меня в спешке эвакуировали. Но потом взгляд упал на едва заметную голографическую метку в углу обзора — тонкую надпись «Сценарий: выживание, биом — лес». И всё встало на свои места: я в игре с полным погружением.

Бум!

Звук был такой настоящий, будто капсула и правда только что ударилась о землю. Я провёл ладонью по ткани простого костюма из синтетики — ощущение волокон, лёгкая шероховатость, едва уловимый холодок материала... Всё до мурашек правдоподобно. Рядом лежали десять сухих пайков и омнитул — компактный, но, по легенде, способный на всё: от резки гранита до пайки микросхем.

«Осмотреться!» — пронеслось в голове, и я распахнул люк.

Передо мной раскинулся лесной биом: высокие деревья с тёмной корой, густой подлесок, травы, колыхающиеся от невидимого ветра, и россыпь ягод, в названиях которых я теперь разбирался благодаря игровой базе знаний. Воздух пах смолой и влажной землёй — аромат был прописан до мельчайших оттенков.

Я взялся за дело. Срубил несколько деревьев — и тут же игра услужливо превратила стволы в ровные доски, будто сама подсказывала: «Не трать время на рутину». Мне хотелось построить не просто укрытие, а свой величественный дворец — пусть и из грубых досок, пусть и на краю леса.

Двери не нуждались в петлях и ручках: стоило соединить доски, как система сама формировала проёмы, подгоняя детали с идеальной точностью. Это было странно и в то же время удобно — будто мир помогал мне, подталкивая вперёд.

Сколотив полку, я аккуратно расставил на ней десять сухих пайков — пусть и выглядели они как безликие серые брикеты, но сейчас казались почти драгоценностью. А потом отправился собирать ягоды, запоминая тропы, прислушиваясь к каждому шороху.

Для холодильника нужны были детали — и я не раздумывая разобрал спасательную капсулу. Металл с лязгом распадался на модули, каждый из которых тут же подсвечивался в интерфейсе: «Модуль терморегуляции», «Энергоячейка», «Сенсорный блок». Начало положено: холодильник с ягодами стоял в углу моего нового дома, тихо гудя и обещая сохранить припасы.

Дальше мне понадобилась морозильная камера для туш — большая, надёжная, из гранита. Я добывал камень, чувствуя, как мышцы отзываются на каждый удар кирки, как пыль оседает на руках. Игра не щадила: каждый кусок гранита приходилось вырубать, ощущая сопротивление породы. Из добытого камня я сложил массивную камеру — она выглядела сурово и надёжно, как крепость посреди леса.

Теперь нужен был лук. Я выточил основу из дерева, стараясь придать изгибу идеальную форму, а тетиву сплел из прочных трав, найденных у реки. Пальцы скользили по волокнам, ощущая их упругость. И тут интерфейс тихо звякнул: «Навык „Плотник“ повышен до +1».

Простые стрелы я сделал тут же: деревянные древки, наконечники из обсидиана, который нашёл у воды, — чёрные, острые, словно впитавшие в себя тьму реки.

Охота!

Я выследил газель: затаился в высокой траве, чувствуя, как сердце замедляет ритм, подстраиваясь под тишину леса. Один выстрел — и стрела ушла вперёд, рассекая воздух. Успех!

Тушу я притащил домой, разделал с той же сосредоточенностью, с какой строил стены и собирал камни. А потом поджарил оленину с ягодами — мясо шипело на импровизированном вертеле, аромат поднимался к потолку, смешиваясь с запахом дыма и дерева.

Когда первый кусок оказался во рту, я на мгновение замер: вкус был настолько настоящим, что на секунду забыл, где нахожусь. И только тихий системный сигнал в углу зрения напомнил: «Это игра. Но сейчас она — твой мир».

Казалось бы, игра — это развлечение, способ отвлечься, сбежать от рутины. Но в симуляторах жизни всё иначе: здесь приходится самому придумывать себе цели, чтобы не заскучать среди бесконечных ресурсов и пустых квадратных метров леса.

Из деталей, оставшихся от спасательной капсулы, я собрал простенький модуль связи и крошечный телевизор. Цивилизация в этом мире стояла как минимум на индустриальном уровне — но, будто в насмешку, работал всего один канал. И по нему сейчас крутили выступление юмористов: их бодрые шутки и залихватский смех звучали до странности неуместно посреди дикой чащи.

За все эти манипуляции с проводами и панелями игра наградила меня ещё одним очком навыка «Механик» — теперь он равнялся четырём. Не бог весть какая высота, но приятно, когда труд замечают даже алгоритмы.

Энергоячейка не могла питать мои задумки вечно, так что я отправился к ближайшей горе искать руду. И тут ждал сюрприз: вместо привычного железа здесь сразу лежала сталь. А ещё, словно в какой-то другой игре вроде RimWorld, попадались целые залежи «Деталей» — универсальных блоков для механизмов. Я добыл их, перенёс на склад и взялся за сборку солнечных батарей.

Конечно, с такими упрощениями игра никогда не сделает из меня настоящего техника. Да и не этого я хотел, запуская симулятор: мне нужны были приключения, а не курс по технической специальности. Будь тут хоть капля реализма, я бы ни за что не собрал солнечные панели прямо в лесу из сырой руды. Но мир охотно прощал любые нестыковки, лишь бы я продолжал действовать.

Когда батареи и панели были готовы, система скромно выдала ещё одно очко механика. Я уже собирался искать песок, чтобы сделать стекло, и вообще поставил себе почти невыполнимую задачу — собрать лампы освещения. Но оказалось, что лампы здесь делаются проще некуда: достаточно пары кусков руды «Сталь».

Повесив стальные лампы на стены, я сколотил деревянную кровать и укрыл её оленьей шкурой. Тело ныло от усталости, глаза слипались. Хотелось просто подремать хоть немного, дать системе зафиксировать отдых и снять накопившуюся игровую усталость.

Я опустился на кровать, натянул на себя шкуру, вдыхая густой, звериный запах леса. И на мгновение почти поверил, что это не симуляция, а настоящая жизнь — со всеми её тяжёлыми днями, простыми радостями и тишиной, которая бывает только после долгого труда.

Сон так и не пришёл. Не из-за жёстких досок или колкой шерсти — а из-за того, как странно затих лес. Тишина здесь была не пустой, а будто натянутой, словно воздух звенел от напряжения. Даже сверчки смолкли, будто прислушивались к чему-то далёкому, глухому, тяжелому.

Я сел, провёл ладонью по лицу, стряхивая остатки дремоты, и вдруг заметил, что лампы горят чуть тусклее, чем раньше. Тонкая полоска индикатора на омнитуле мигала жёлтым: энергоячейка проседала. Не критично, но неприятно — особенно если придётся бежать.

В этот момент телевизор тихо щёлкнул, экран потемнел, рябь исчезла, и вместо комедийного шоу появилась та же тёмная комната со свечами. Незнакомец в потрёпанном комбинезоне снова склонился к камере, голос его звучал торопливо, будто он боялся, что связь оборвётся:

— Не стой на месте. К востоку от леса, у подножия горы... там собираются не люди. Слышишь? Не люди. И они уже близко.

Картинка мигнула и пропала. На экране снова замелькали яркие декорации, зазвучал смех — будто ничего и не было. Но я знал: это не баг. Это часть сценария. Или... нечто большее.

Я вскочил, быстро проверил содержимое сумки: сухие пайки, стрелы, обсидиановые наконечники, пара энергоячеек, универсальный модуль. Омнитул отозвался ровным гудением, когда я провёл по сенсорной панели — все функции на месте.

Выйдя наружу, я замер на пороге. Воздух стал холоднее, в нём чувствовался запах озона — будто где-то рядом прошла гроза. Небо над восточным краем леса потемнело, тяжёлые тучи нависали низко, почти цепляясь за верхушки деревьев. И в этой тьме, у подножия горы, мерцали странные огоньки — не костры, не фонари, а что-то иное: холодное, синеватое, неестественное.

«Не люди...» — снова пронеслось в голове.

Я двинулся вперёд, стараясь ступать бесшумно. Трава под ногами пружинила, ветки цеплялись за костюм, но я не останавливался. Лес будто пытался меня задержать, шептал предостережения каждым шорохом, каждым порывом ветра.

Через полчаса я вышел к опушке, откуда открывался вид на подножие горы. И то, что я увидел, заставило меня замереть.

На ровной площадке, окружённой валунами, стояли фигуры. Их было около десятка. Они не двигались, не разговаривали — просто стояли, образуя неровный круг. Их силуэты казались размытыми, словно воздух вокруг них дрожал, искажая очертания. А в центре круга мерцал странный артефакт — камень, пульсирующий тусклым синим светом.

Один из них вдруг повернул голову. Я не видел лица — только тень, глубокую, непроглядную, будто вместо черт была пустота. И эта тень будто посмотрела прямо на меня.

Сердце ухнуло вниз. Я инстинктивно отступил, прижался к стволу дерева, пытаюсь слиться с тенью. Пальцы сами собой нащупали лук, вытащили стрелу. Но я не выстрелил. Что толку пускать стрелу в то, что даже не выглядит как живое?

И тут раздался голос — не из телевизора, не из омнитула, а прямо в голове, тихий, но отчётливый:

«Ты не должен был сюда приходить. Но раз пришёл — не стой в стороне. Они открывают разлом. Если не остановишь ритуал, этот мир перестанет быть просто игрой».

Я вздрогнул, огляделся, но вокруг никого не было. Только лес, тьма и фигуры у камня.

«Кто это?» — мысленно спросил я, сам не веря, что делаю это.

Ответ пришёл так же тихо:

«Тот, кто уже проиграл эту битву. Помоги себе сам. Время истекает».

Сигнал пропал. Я остался один на один с тем, что происходило у подножия горы.

Не раздумывая больше, я сорвался с места и побежал — не прочь, а вдоль опушки, стараясь обойти площадку с фланга. Мне нужно было подобраться ближе, понять, что за ритуал они проводят, и найти способ его сорвать.

Омнитул тихо пискнул, на интерфейсе вспыхнула новая подсказка: «Обнаружен аномальный энергетический источник. Риск перегрузки: высокий».

Я стиснул зубы. Приключения, о которых я мечтал, оказались куда опаснее, чем казалось в начале. Но отступать было поздно.

Добравшись до края площадки, я прижался к валуну, выглянул из-за него и увидел, как камень в центре круга начал пульсировать быстрее, а воздух над ним дрогнул, словно ткань мира истончалась.

Пора действовать.

Я вскинул лук, натянул тетиву — и одна за другой стрелы уходили в цель, рассекая сумрак. Они впивались в фигуры, торчали из спин и груди, будто мрачные украшения, но те даже не шелохнулись. Стояли неподвижно, словно не чувствуя боли, не замечая вторжения, полностью поглощённые ритуалом. Их безразличие пугало куда сильнее любой ярости.

Тогда я отбросил лук — он тут был бесполезен. Схватил тяжёлую дубинку, которую сколотил ещё в первые часы, когда думал, что выживание — это про грубую силу и крепкие удары. Дерево в ладони ощущалось твёрдо и по-своему успокаивающе: пусть стрелы и не брали этих существ, но физика всё ещё работала.

Я бросился вперёд, в самую гущу круга, и начал крушить. Удары ломали странные, будто полупрозрачные очертания фигур, они падали одна за другой, оседая на землю беззвучными горами теней. Но кристалл в центре продолжал мерцать, не обращая внимания на хаос вокруг. Он был сердцем всего этого кошмара — и оставался нетронутым.

А потом он вспыхнул.

Не просто засветился — взорвался светом, который не был светом. Это была тьма, ставшая видимой, волна холодной, густой магии, прокатившаяся по миру, как ударная волна. Она прошла по лесу, по горе, по каждому листу и камню, меняя саму ткань реальности. Деревья искривились, воздух загустел, и на мгновение показалось, что мир трескается по швам, обнажая под собой что-то древнее и чуждое.

И вдруг всё оборвалось.

Погружение рухнуло, как стекло под тяжёлым молотом. Перед глазами, перекрывая вид на ритуальную площадку, всплыла яркая, до абсурда жизнерадостная рекламная надпись:

«Дополнение „Ужасы“ активировано. Вы можете задать опасность ужасных аномалий в меню настроек. Рады, что вы купили дополнение для великолепной игры Фойворлд!»

«Ужасы? Нет, не хочу!» — мысль пронеслась в голове острой, почти панической вспышкой. Это не было частью моего приключения, не той историей, которую я хотел прожить. Я не хотел чудовищ, разрывающих реальность, не хотел чувствовать, как мир рассыпается на пиксели и баги.

Руки дрожали, но я быстро открыл меню настроек — интерфейс выскочил поверх искажённого пейзажа, такой обычный, такой до смешного бытовой на фоне только что бушевавшей магии. Пальцы бегали по виртуальным кнопкам, пока я лихорадочно искал нужный пункт.

«Активность ужасных аномалий» — вот оно. Я дёрнул ползунок влево, до самого минимума. Совсем отключить их, как выяснилось, было нельзя — игра упрямо сообщала: «Дополнение приобретено, базовый уровень аномалий обязателен».

Ползунок замер на самой нижней отметке. Система тихо пискнула, подтверждая изменения.

На секунду всё замерло. Надпись исчезла. Мир вернулся — но уже не тот, что был раньше. Лес стоял на месте, гора возвышалась, но в воздухе висело странное послевкусие: будто реальность теперь была чуть тоньше, чуть уязвимее, и где-то за кулисами кто-то всё ещё наблюдал.

Кристалл в центре площадки больше не пульсировал. Он потемнел, стал похож на обычный кусок камня, лишённый всякой магии. Фигуры исчезли, будто их никогда и не было. Только стрелы, разбросанные по земле, напоминали о том, что всё это случилось на самом деле — или хотя бы в рамках правил этой странной игры.

Я опустил дубинку. Ладони горели от напряжения, в груди колотилось сердце, а в голове крутилась одна и та же мысль: приключение оказалось совсем не таким, как я себе представлял. Но, похоже, теперь мне предстояло играть по новым правилам.

Я стоял посреди опустевшей площадки, сжимал в руке дубинку, и пальцы сами собой разжимались — оружие казалось теперь нелепым, почти детским. Стрелы по-прежнему торчали из земли, будто мрачные вехи того, что здесь произошло. Кристалл потемнел, стал похож

на обычный кусок базальта — ни мерцания, ни пульсации, ни намёка на ту силу, что только что прокатилась по миру.

И всё же воздух оставался... неправильным. Он будто помнил магию: был чуть гуще, чем положено, и пах не лесом, а чем-то металлическим, словно после грозы, когда пахнет озоном и раскалённым железом.

Омнитул тихо пискнул, и на интерфейсе всплыло короткое сообщение: «Аномальная активность снижена до минимального уровня. Локальные искажения сохраняются».

Я хмыкнул. «Минимальный уровень» — это, видимо, и есть тот компромисс, который игра навязывала всем купившим дополнение. Не полный кошмар, но и не прежняя уютная симуляция выживания. Теперь мир будто дышал чуть тяжелее, настороженно, как зверь, который притворился спящим, но на самом деле следит за тобой краем глаза.

Я наклонился, выдернул одну из стрел, повертел её в пальцах. Обсидиановый наконечник был всё таким же острым — о него можно было порезаться, если отвлечься хоть на секунду. Это по крайней мере оставалось настоящим.

«Ладно, — пробормотал я себе под нос. — Раз уж „ужасы“ теперь часть правил, будем играть по ним. Но по моим правилам».

Вернувшись к своему лагерю, я первым делом проверил холодильник и морозильную камеру. Продукты были на месте, энергоячейка тихо гудела, поддерживая минимальный режим. Телевизор по-прежнему показывал комедийное шоу — будто и не было никакого таинственного сигнала, никакой фигуры в тёмной комнате. Я на секунду замер, всматриваясь в экран, будто надеялся снова увидеть того незнакомца, услышать его предупреждение. Но там только улыбались актёры, светились декорации, звучал закадровый смех — яркий, неестественно бодрый, будто специально созданный, чтобы заглушать любые страхи.

Я выключил телевизор. Тишина показалась даже более оглушительной.

Потом я обошёл свой «дворец» — теперь он выглядел странно: грубые доски, стальные лампы, кровать с оленьей шкурой... Всё это казалось слишком домашним на фоне того, что только что случилось у подножия горы. Как будто я пытался построить островок нормальности посреди мира, который больше не хотел быть нормальным.

На стене я заметил едва заметную трещину — раньше её не было. Провел по ней пальцем: дерево не треснуло, но текстура будто чуть-чуть поплыла, как будто материал на мгновение забыл, чем он должен быть. Я отдёргнул руку, будто обжёгся.

«Локальные искажения...» — снова всплыли в памяти слова омнитула.

Нужно было понять, что именно изменилось. Я достал омнитул, активировал режим сканирования местности. Прибор тихо загудел, на экране побежали строчки данных: «Незначительное искажение гравитационного поля... аномальный фон в радиусе двухсот метров... нестабильность биологических маркеров».

«Биологических?» — нахмурился я.

В этот момент из леса донёсся звук — не треск ветки и не крик птицы, а что-то среднее: протяжный, низкий стон, будто ветер проходил сквозь невидимые струны. Звук был таким чуждым, что по спине пробежал холодок.

Я замер, прислушиваясь. Стон повторился, уже ближе. И следом — ещё один звук: тихий, ритмичный скрежет, будто кто-то или что-то царапало камень.

Пальцы сами собой потянулись к луку. Стрелы я снарядил быстро, привычно, будто это движение было врезано в мышцы. Потом, стараясь ступать бесшумно, подошёл к краю лагеря и выглянул в сторону леса.

Сумерки сгущались быстрее обычного. Тени становились глубже, будто впитывали свет, не давая ему рассеиваться. И в одной из таких теней что-то шевельнулось.

Не фигура, не человек — скорее, сгусток темноты, который двигался не так, как должно двигаться живое существо: угловато, с неестественными паузами, будто мир на мгновение забывал, как анимировать это нечто.

Оно замерло, будто почувствовав мой взгляд. А потом медленно повернулось в мою сторону.

Я не увидел лица. Только ощущение взгляда — тяжёлого, холодного, будто на меня смотрела сама тьма.

Сердце забилося где-то в горле. Я поднял лук, прицелился, хотя и понимал, что стрела вряд ли поможет против того, что даже не имело формы.

Но прежде, чем я успел выпустить стрелу, omnitul снова подал голос — на этот раз тревожно, настойчиво. На экране вспыхнула новая строка: «Обнаружен объект класса „Искажение“. Рекомендация: избегать прямого контакта. Вероятность эскалации аномалии — высокая».

Я медленно опустил лук.

«Избегать контакта...» — хорошо сказано. Но как избежать того, что уже смотрит на тебя?

Тень ещё мгновение повисела в воздухе, будто взвешивая варианты, а потом медленно растаяла, растворившись в сгущающихся сумерках. Только лёгкий холодок остался на коже, как напоминание, что она была здесь.

Я выдохнул, только теперь осознав, что всё это время не дышал. Руки слегка дрожали, но я заставил себя собраться.

«Значит, так, — тихо сказал я, скорее себе, чем кому-то ещё. — Теперь в этом мире есть не только ресурсы, рецепты и очки навыков. Теперь здесь есть то, что не вписывается ни в одну таблицу характеристик. И если я хочу выжить в этой игре, мне придётся научиться с этим считаться».

Я вернулся в лагерь, закрыл дверь — теперь она казалась слишком тонкой преградой. Повесил лук на стену рядом с дубинкой, будто эти два оружия могли защитить меня от того, что пришло вместе с дополнением «Ужасы». Потом сел на кровать, накрылся оленьей шкурой и устался в темноту, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому вздоху леса.

Ночь обещала быть долгой. Но теперь я знал: в этой игре приключение — это не просто список задач. Это то, что приходит к тебе само. И иногда оно приходит из темноты.

Утро выдалось холодным — такое бывает, когда ночь ещё не до конца отпустила землю, а день только нащупывает дорогу сквозь туман. Роса лежала на траве тяжёлыми каплями, будто сама природа не хотела расставаться с ночной тишиной. Я развёл небольшой костёр — пламя вспыхнуло неохотно, будто сопротивлялось, и только когда сухие ветки наконец занялись, воздух наполнился запахом дыма и горьковатой смолы.

Пока угли набирали жар, я занялся делом. Из остатков оленины и ягод приготовил пеммикан — плотные, сытные лепёшки, которые могли храниться долго и не портиться. В игре это работало по своим законам: мясо не гнило, ягоды не теряли цвет, а смесь получалась на удивление питательной. Я аккуратно уложил лепёшки в новый рюкзак — его я смастерил из оленьей шкуры, прошив края грубой нитью, которую вытянул из подкладки костюма. Получилось неказисто, но крепко: лямки не врезались в плечи, а сам рюкзак держал форму.

Сухие пайки я тоже взял с собой — не столько из необходимости, сколько из привычки. В симуляторах выживания всегда хочется держаться за что-то привычное, за то, что не зависит от капризов мира. «Пусть лежат, — подумал я. — На случай, если не удастся добыть еды».

Оглядевшись, я заметил, как лес будто замер. Не просто затих — а именно застыл: ветка, качнувшаяся было на ветру, вдруг повисла в воздухе, не завершив движения; птица, взмахнувшая крылом, застыла в полёте, словно кадр в остановившемся фильме. На несколько секунд мир превратился в немую сцену, где все актёры забыли свои реплики.

А потом всплыло уведомление, яркое, навязчивое, с чуть мерцающими краями: «Дополнение „Мир магии“ активировано».

Оно повисело перед глазами пару мгновений и растаяло, но после него осталось странное чувство — будто кто-то щёлкнул выключателем, и в мир добавили новый слой реальности. Воздух стал чуть гуще, в нём появилась едва уловимая искринка, будто пыль теперь была не просто пылью, а чем-то большим.

Я ещё не успел толком осознать, что это значит, как из-за деревьев вышел старик. Он был неопрятен, растрёпан, с длинными седыми волосами, спутанными так, будто он нарочно не расчёсывался годами. Одежда его выглядела так, словно её шили из лоскутов, подобранных на разных концах света: заплатки разного цвета, швы, идущие поперёк, рукава, подвязанные верёвками. На плече у него сидела белая курица — спокойная, невозмутимая, будто всё это было для неё обыденностью.

Старик шёл, слегка покачиваясь, и напевал себе под нос:

— Кто бодр и весел всегда и везде? Кто так же ловок, как рыба в воде?

Я замер, не зная, смеяться мне или насторожиться.

Он подошёл ближе, прищурился, будто разглядывал меня не глазами, а каким-то внутренним чувством, и вдруг расплылся в широкой улыбке:

— Здравствуйте! А вы, видимо, юный неофит, о котором сказала Клара, моя курица. Я прибыл, чтобы посвятить вас в магии.

Курица — Клара — лениво повернула голову, посмотрела на меня одним круглым глазом и снова устроилась поудобнее.

«Курица сказала...» — эта мысль застряла в голове, как заноза. Но мир уже принял новые правила, и спорить с ними было бессмысленно.

— Эм... — я не нашёлся, что сказать, и просто кивнул. — Давайте. Что от меня требуется?

Старик довольно хмыкнул, будто ждал именно этого ответа.

— Ты должен сделать себе метлу и волшебную палочку. У меня есть старые, но они довольно плохие. Собирая редкие ингредиенты, ты сможешь создать первоклассные. Ну и, конечно, надо тренироваться и оттачивать своё мастерство. Ты готов пройти обряд инициации?

Я на секунду задумался. Ещё вчера я хотел приключений, а не уроков магии. Но теперь, после волны тёмной энергии, после теней, которые смотрели из сумрака, идея иметь хоть какой-то инструмент против этого казалась не такой уж плохой.

— Да, я готов, — пожал плечами и кивнул.

Анволд — так он представился — кивнул в ответ, будто решение было принято не мной, а кем-то гораздо старше и мудрее. Он провёл короткий, почти небрежный ритуал: очертил вокруг меня неровный круг из пепла, пробормотал несколько слов, в которых я не разобрал ни одного знакомого языка, и хлопнул ладонью по моему плечу.

И тут в поле зрения появилась новая шкала — тонкая, полупрозрачная, с медленно пульсирующей зелёной полосой. «Магическая энергия», — подсказала система. Полоска была почти пустой, но сам факт её существования ощущался как тяжесть, как новая ответственность.

Затем Анволд протянул мне вещи: старую сучковатую метлу, древко которой было покрыто трещинами, и деревянную волшебную палочку, выдавшую, похоже, не один десяток неофитов. Она была грубо выточенной, с неровной поверхностью, и пахла смолой и пылью.

— Так просто? Теперь я маг? — спросил я, вертя палочку в пальцах.

— Совершенно верно, — спокойно ответил дед. — Меня Анволд звать. А тут, за лесом на востоке, поселение есть — можешь там обосноваться. Там тебе помогут, если что. Или не помогут — зависит от того, как себя покажешь.

Он подмигнул, развернулся и пошёл прочь, напевая ту же песенку:

— Кто бодр и весел всегда и везде...

Курица на его плече слегка взмахнула крыльями, будто тоже прощалась.

Когда они скрылись за деревьями, я остался стоять посреди лагеря с метлой и палочкой в руках. Всё это выглядело до смешного нелепо: космонавт, выживальщик, а теперь ещё и маг с сучковатой метлой.

Но когда я осторожно коснулся палочки, в кончиках пальцев пробежало лёгкое покалывание — будто дерево помнило чью-то силу и теперь отдавало её по крупичкам. Шкала магической энергии едва заметно дрогнула, будто намекая: «Ты теперь не просто человек».

Я оглянулся на свой лагерь: холодильник из гранита, стальные лампы, кровать с оленьей шкурой. Всё это теперь казалось частью другой жизни — той, где выживание было главным законом. А теперь законы изменились.

Взвесив в руке палочку и прислонив метлу к стене, я собрал рюкзак, проверил припасы и посмотрел в сторону востока — туда, где, по словам Анволда, было поселение.

Путь предстоял неблизкий. И кто знает, что ещё добавит игра в этот мир — какие ещё слои реальности, какие ещё правила. Но одно я знал точно: теперь я не просто выживаю. Теперь я учусь быть чем-то большим.

Глава 2. Гаражград.

Метла летела медленно, но все равно быстрее чем пешком. Я двигался со скоростью старенького велосипеда, зато над вершинами деревьев. Когда я подлетел к городу игра опять провисла.

Гаражград раскинулся на склоне холма, будто небрежно слепленный из обломков ушедших эпох. Тридцать три жителя — и сотни тысяч деталей: ржавые панели, изогнутые трубы, листы покоробленного металла, фрагменты старых кузовов, скреплённые болтами, сваркой и, кажется, одной лишь упрямой волей тех, кто тут живёт. Дома тут не строили — их собирали, как пазлы из утиля, и оттого каждый выглядел по-своему: одни напоминали сплюснутые вагоны, другие — перевёрнутые лодки, третьи и вовсе походили на гнёзда из проволоки и жестянок.

Над городом витал густой запах озона и горячего масла, смешанный с лёгкой горечью перегретого металла. Всё дело было в геотермальных источниках, что бурлили чуть ниже по склону. Прямо над ними возвели электростанцию — громоздкое сооружение из чёрных труб и ревущих турбин, чьи лопасти крутились без устали, выжимая энергию из пара. По ржавым кабелям ток полз в город, зажигая тусклые лампы в окнах, гудя в проводах и заставляя мигать неоновые вывески, кое-где уцелевшие от старых времён.

Герой опустил на метле у самой окраины, и воздух тут же обдал его теплом, поднимавшимся от земли. Он едва успел убрать метлу, как интерфейс игры вспыхнул уведомлением: «Дополнение „Гаражград“: познакомьтесь со всеми жителями — получи награду».

Неподалёку, у большого навеса, над которым болталась табличка «Билли: машины на продажу», сутился механик Билли. Его руки были в масле, лицо — в саже, а в глазах горел азарт изобретателя. Вокруг него громоздились машины, собранные из всего, что попадалось под руку: у одной двери были от разных моделей, у другой вместо капота — сваренный щит из бронепластин, третья и вовсе стояла на гусеницах, хотя кузов у неё был от старого лимузина. Билли что-то бормотал себе под нос, подтягивая гаечным ключом очередную деталь, и время от времени оглядывался, будто ждал покупателя. Но герою эти машины были ни к чему — его метла летала, была лёгкой и послушной, а здесь, среди ржавых гигантов, казалась почти изящной.

В центре города теснились основные здания — минимальный набор, достаточный для жизни. Магазин с покосившейся вывеской торговал всем подряд: от банок консервов до деталей для двигателей, от старых книг до странных приборов с непонятными шкалами. Таверна,

приземистая и тёмная, манила запахом тушёного мяса и хмельного эля; её стены были обшиты листами рифлёного железа, а окна затянуты полупрозрачной плёнкой. Рядом стояла больница — небольшое, но аккуратное здание, где, по слухам, местный лекарь умел штопать не только раны, но и простреленные трубы в старых механизмах.

Узкие улочки петляли между домами, иногда обрываясь тупиками, иногда выводя к смотровым площадкам, откуда открывался вид на бурлящие источники и на станцию, похожую на стального зверя, пожирающего пар. В воздухе дрожал жар, и даже тени тут казались тёплыми.

Герой стоял, оглядываясь, и интерфейс тихо подсказывал имена и краткие описания жителей — тридцать три строчки, тридцать три истории. И где-то среди них наверняка таилась награда, ради которой стоило обойти весь этот странный, шумный, живой городок из мусора.

Я начал с механика Билли — с него, пожалуй, и должен был начать, ведь его навес с машинами торчал прямо у въезда, будто первый страж Гаражграда.

Билли оказался мужчиной средних лет, рыжим, как осенняя медь, с веснушками, разбросанными по лицу, словно брызги краски. На нём был засаленный комбинезон, а на голове — потёртая кепка с эмблемой какой-то давно забытой футбольной команды: выцветшие полосы, полустёртый логотип, но он носил её так, будто это был знак особого достоинства. Когда я подошёл, он выпрямился, отложил гаечный ключ и расплылся в широкой, искренней улыбке.

— Эй, приятель! — воскликнул он, вытирая руки о тряпку, которая и сама уже была чернее масла. — Гляжу, ты на метле. Красиво, спору нет, но знаешь, как бывает: ветер поднимется, буря налетит — и эта штука тебя подведёт. А вот у меня есть машина! Смотри: на гусеницах, движок ревет, как дракон, и по любой грязи пройдёт.

Он махнул рукой на странное сооружение рядом — смесь трактора, броневика и чего-то ещё, угловатое, грозное, будто собранное в пылу спора. Я покачал головой, улыбнулся и честно признался, что денег у меня нет. Билли ничуть не расстроился — скорее, наоборот, в его глазах вспыхнул азарт, будто он только и ждал такого поворота.

— Нет денег? Не беда! — бодро сказал он. — У меня тут деталей целая гора. Таскай их от края навеса к верстаку — хоть по одной, хоть по две, мне всё сгодится. И работа, и разминка. А потом... — он понизил голос, будто делился секретом, — потом заглянем в таверну «У Мамы». Я угощу ужином, да и тебе на второй ужин дам денег. Не могу же я работника голодным оставить!

И он сунул мне в ладонь несколько тяжёлых, потёртых монет, которые звякнули, как обещание чего-то хорошего.

Таверна «У Мамы» стояла чуть в стороне от главной улицы, приземистая, с покатой крышей, обшитой листами рифлёного железа. Над дверью висела вывеска, выжженная на дереве: буквы уже потемнели от времени, но надпись читалась ясно. Внутри было тепло, пахло дымом, жареным луком и пряными травами — запахом, который сразу прогонял холод дороги.

Хозяйку звали Кейтлин Старлайт, и это имя звучало слишком поэтично для такого утилитарного места. Она была пожилой женщиной с живыми, внимательными глазами и лёгкой улыбкой, которая появлялась сама собой, стоило ей заговорить. Волосы её были собраны в небрежный пучок, а поверх простого платья она носила фартук, покрытый пятнами соусов и брызгами масла — как боевые отметины.

— Это и есть «Мама»? — спросил я у Билли, когда мы вошли.

— Она самая, — кивнул механик. — Тут все так зовут. Она всех кормит, всех слушает, всех мирит, если что. Как и положено маме.

Кейтлин встретила нас коротким кивком, но в нём было столько тепла, что я сразу почувствовал себя почти как дома. Она готовила из того, что дарил город и его окрестности: овощи, что росли на каменистых склонах возле Гаражграда, упрямые, но сочные; мясо, принесённое охотниками; рыбу, выловленную в быстрых ручьях, питаемых горячими источниками. Её

блюда были простыми, но сытными, и в каждом чувствовалась забота — будто она знала, сколько сил забирает этот город у своих жителей.

Пока мы ели, я успел заметить, как в таверну заходит ещё несколько человек, и каждый кивал Кейтлин, а она отвечала тем же коротким, но тёплым жестом. Среди них был Вилли — рыбак с загорелым лицом и руками, покрытыми сетью тонких шрамов, будто картой его долгих дней у воды. Он подошёл к нам, присел на край скамьи и, не спрашивая разрешения, взял кусок хлеба.

— Билли, опять ты кого-то в свои дела втягиваешь? — усмехнулся он, но без злости, скорее с привычным добродушным ворчанием. — Слушай, парень, если тебе не по душе таскать железки, могу другое предложить. У меня лодка старая, но крепкая, и места хватит. Научу тебя рыбачить — тут в ручьях такая рыба водится, что ни в одном справочнике не найдёшь: серебристая, быстрая, будто молния. А заодно поможешь сети чинить, да и просто компанию составишь. В одиночку на воде тоскливо.

Я только улыбнулся, ещё не зная, что ответить, но уже чувствуя, как этот город потихоньку втягивает меня в свой ритм.

А потом в таверну влетела Саммер — будто порыв ветра принёс её внутрь. Она двигалась легко, почти бесшумно, несмотря на тяжёлые сапоги и кожаный доспех, усеянный металлическими пластинами. В руках у неё был лук, а за спиной — колчан со стрелами, оперение которых было выкрашено в тёмно-зелёный цвет, сливающийся с листвой.

— Вилли, не отвлекай парня, у нас дело! — бросила она, едва кивнув в мою сторону. — Тут стая кабанов пасётся, голов шесть, не меньше. Если сейчас не ударить, уйдут в чащу, и ищи их потом. Я собираю группу, чтобы атаковать одновременно: один заходит с севера, другой с юга, третий прикрывает тыл. Ты, — она посмотрела прямо на меня, — на метле сможешь зайти сверху, спугнуть их в нужную сторону. Это не охота, это тактика!

В её голосе не было просьбы — скорее, уверенность, что я соглашусь, потому что так надо. И в этом тоже был Гаражград: здесь не спрашивали долго, не ходили вокруг да около, а сразу звали в дело, будто проверяли, из того ли ты теста.

Я оглянулся на Билли, который только пожал плечами и усмехнулся: «Ну вот, теперь ты нарасхват». Потом перевёл взгляд на Кейтлин — она стояла у печи и смотрела на нас с лёгкой улыбкой, будто знала, что этот вечер станет началом чего-то большего. И, наконец, на монеты в своём кармане — те самые, что дал мне механик.

Город из мусора жил своей жизнью, и теперь эта жизнь предлагала мне стать её частью. Тридцать три жителя, тридцать три истории — и одна из них, похоже, теперь была моей.

Охота на кабанов вышла шумной и яростной — в воздухе витал запах земли, мокрой травы и звериного страха, а крики, топот и лязг оружия сливались в единый первобытный гул. Мы гнали стаю через подлесок, загоняя кабанов в узкий овраг, где их уже ждали охотники с копьями и луками. Я кружил над ними на метле, спугивая зверей вниз, туда, где смыкались ряды людей. Когда всё закончилось, на земле остались лишь следы копыт, примятая трава да несколько тяжёлых туш — и в моём кармане звякнули монеты, честно заработанные за участие.

Именно тогда я и познакомился с Виктором Корфом. Он стоял чуть в стороне от остальных, не размахивал руками и не смеялся громко, как другие охотники, — он просто наблюдал, будто фиксировал в памяти каждую деталь. Виктор был немцем, с чёрными, гладко зачёсанными волосами и взглядом, в котором читалась привычка всё анализировать. В руках он держал старенький охотничий карабин — не для показухи, а потому что привык доверять проверенному.

— Неплохой заход сверху, — коротко заметил он, когда я спустился. — Ты умеешь использовать высоту. Это редкость.

Я пожал плечами, ещё не отдышавшись, и улыбнулся. Виктор кивнул, будто этого было достаточно, и предложил пройтись: оказалось, он помогал местному медику, но в городе его

считали кем-то вроде учёного — он собирал сведения, ставил опыты, пытался понять, как устроены местные аномалии и почему геотермальная энергия иногда даёт странные всплески.

Чуть поодаль, на вышке у северной окраины, стоял Вудди Бивер — тот самый «Бобёр», прозванный так за большие передние зубы. У него была рыжая, будто взлохмаченная ветром шевелюра и рубашка в клетку, напоминавшая наряд канадского дровосека. Он не спускался к нам, только махнул рукой с высоты, держа наготове снайперскую винтовку — мол, он тут, он на страже, и город под присмотром. Его присутствие было не кричащим, но ощутимым: как тихий, надёжный механизм, который работает, пока остальные живут своей жизнью.

Виктор привёл меня к Кайде Железных — темнокожей женщине с длинными чёрными волосами, свободно струящимися по плечам, но контрастирующими с холодным блеском металла. Её левая рука и правая нога были заменены искусными протезами — не грубыми железными культиями, а сложными механизмами, в которых угадывалась работа настоящего мастера: тонкие сочленения, аккуратные заклёпки, едва заметные шестерёнки под пластинами. Она двигалась уверенно, без показной силы, но с той твёрдостью, которая приходит, когда ты давно привык к собственному телу — даже если часть его теперь из стали.

— Это наш гость, — представил меня Виктор. — Он неплохо показал себя на охоте. Думаю, ему можно доверить кое-что посложнее.

Кайда чуть наклонила голову, изучая меня взглядом, в котором не было ни враждебности, ни излишней теплоты — только расчёт и любопытство.

— В старом университете остались архивы, — сказала она ровным голосом. — Там хранятся записи о первых экспериментах с геотермальной энергией, о старых машинах, о том, как строили этот город. Если принесёшь данные — будет награда. Не только монеты. Кое-что полезное.

Я уже собирался согласиться, когда в разговор ворвалась Фиджи — дочь Кайды. Она появилась так, будто её принёс порыв ветра: лёгкая, стремительная, в плаще с вышитыми звёздами и лунами, с браслетами, позвякивающими при каждом движении. Её интерес к знакам зодиака в мире, где магия была обыденностью, казался почти комичным — но в то же время в этом была своя прелесть: она искала закономерности там, где другие видели хаос, пыталась соединить древнюю символику с реальными заклинаниями.

Узнав, что я маг, Фиджи буквально просияла.

— О, это чудесно! — воскликнула она, схватив меня за рукав. — Наконец-то кто-то, кто поймёт! Ты ведь чувствуешь потоки, да? Видишь, как сплетаются линии силы?

Я не успел толком ничего ответить, а она уже тянула меня в сторону, обещая показать «кое-что очень простое, но невероятно полезное». И действительно — она научила меня накладывать «удачу». Заклинание было до смешного простым: несколько слов, лёгкий жест, едва уловимое усилие воли — и на сутки цель становилась чуть удачливее. Не настолько, чтобы выигрывать в спорах или находить сокровища на каждом шагу, но достаточно, чтобы стрела летела точнее, чтобы дверь не заела в решающий момент, чтобы случайный прохожий вовремя подсказал нужную дорогу.

— Магия — это не только гром и пламя, — шепнула Фиджи, когда мы закончили. — Иногда самое сильное — то, что почти незаметно.

Я улыбнулся, чувствуя, как в груди разливается странное тепло — не от заклинания, а от того, что эти люди, такие разные, уже начинали казаться мне почти своими. Виктор с его аналитическим взглядом, Кайда с её стальной волей, неугомонная Фиджи и даже Вудди на вышке, который молча прикрывал город, — все они были частями одного механизма, и теперь, похоже, я стал ещё одним звеном.

Гаражград больше не казался просто городком из мусора. Он был живым, сложным, полным тайн — и я только начинал узнавать его.

Я двинулся дальше, прочь из шумного центра, где лязг металла и гул электростанции сливались в привычный городской ритм. Тропа вилась между ржавыми оградами и старыми покрышками, сложенными в подобие заборов, и вскоре вывела меня за пределы Гаражграда — туда, где начинались фермы.

На большом поле, разбитом на аккуратные грядки, работала Лин Линдон. Она была азиаткой с тонкими чертами лица и двумя круглыми бутонами из волос на голове — они держались на костяных шпильках и казались почти декоративными, но, как я позже узнал, в них прятались маленькие инструменты: тонкая игла, крошечный нож, складной крючок — всё, что могло пригодиться в полевых делах. Лин двигалась между грядками с размеренной грацией, пропалывая сорняки и проверяя, как наливаются соком овощи. Здесь росли не привычные помидоры и огурцы, а странные гибриды: фиолетовые тыквы с прожилками, словно вены, полосатые кабачки, светящиеся в сумерках баклажаны.

— Тут каждый плод — как маленькая загадка, — сказала она, заметив мой взгляд. — Надо знать, когда срывать, как хранить, с чем смешивать. Иначе вместо ужина получишь головную боль.

Я улыбнулся, кивнул, а она в ответ предложила взять с собой пару овощей — «для эксперимента». В её словах не было щедрости напоказ, просто это был её способ сказать «ты теперь здесь, значит, тебе тоже нужно есть».

Чуть дальше, за невысокой изгородью из переплетённых веток, раскинулся яблоневый сад — и там я нашёл Юлию Сладких. Она сидела на деревянной скамье под раскидистой яблоней, перед ней стояла шахматная доска, а напротив устроилась Татьяна, библиотечарша. Юлия двигала фигуры с сосредоточенностью полководца, а Татьяна отвечала не спеша, будто каждое слово и каждый ход требовали от неё особого внимания.

Юлия оказалась женщиной с живым взглядом и привычкой всё раскладывать по полочкам — даже разговор. Она обожала шахматы не за азарт, а за логику: ей нравилось, что в этой игре можно просчитать последствия на десять шагов вперёд, в отличие от жизни, где всё шло наперекосяк. Татьяна же, напротив, смотрела на игру как на метафору: каждая пешка — это история, каждый ферзь — судьба, а мат — не конец, а поворот сюжета.

— Ты любишь думать наперёд? — спросила Юлия, едва взглянув на меня. — Или предпочитаешь действовать и разбираться по ходу?

Я пожал плечами, не зная, какой ответ будет правильным, но Татьяна мягко улыбнулась:

— Пусть будет «и то, и другое». В этом городе иначе нельзя.

Татьяна рассказала, что в городе есть библиотека, и мэр щедро платит за новые книги — не просто за бумагу и чернила, а за знания, которые могли пригодиться в самых неожиданных делах: от починки турбины до понимания, почему в руинах иногда вспыхивают странные огни. Она предложила мне прогуляться до соседних руин, где когда-то стоял книжный магазин. Говорила, что там, среди обломков, ещё можно найти уцелевшие тома — пыльные, пожелтевшие, но полные секретов. И монет она обещала столько, что у меня невольно ёкнуло сердце: сказочно много, почти как за настоящий подвиг. Я кивнул, пообещав себе, что слетаю туда на метле, как только закончу квест «Знакомство с жителями».

Вернувшись в город, я заглянул в магазин Гуса Ковальски. Гус был поляком с густыми бровями и привычкой говорить быстро, будто боялся, что слова могут улететь раньше, чем он их произнесёт. Он охотно и дорого купил у меня сухие пайки и пеммикан — видеоигровое мастерство позволило мне найти еду, не потратив ни капли ресурсов, и теперь эти припасы превратились в звонкие монеты. Гус цокал языком, разглядывая упаковки, и бормотал что-то про «надёжные запасы» и «непредсказуемые времена», будто собирался пережить долгую осаду.

Рядом с магазином крутился Вячеслав Лукошин — ученик того самого Анволда. На его плече спокойно сидела курица, будто это был самый естественный аксессуар в мире. Вячеслав был пареньком с хитрой улыбкой и взглядом, который сразу оценивал, что у тебя есть и что тебе

может понадобиться. За мои кровные гроши он отдал материалы для нормальной метлы — крепкие ветки, обработанные смолой, тонкие ремни из кожи, металлические наконечники. Я собрал её прямо там, на улице, и с удовлетворением почувствовал, как метла стала послушнее, легче, будто понимала мои движения. В награду система тихо звякнула: «Получен уровень: Плотник — 2». Старую метлу Вячеслав тоже охотно купил — не столько ради дерева, сколько ради истории, которая к ней прилипла.

Последним в этом длинном списке оказался мэр Линукс Торбраузер. Он стоял у ратуши — небольшого здания, собранного из контейнеров и усиленного металлическими листами, — и выглядел так, будто одновременно принадлежал трём эпохам сразу. На нём был берет, деловой жилет, ковбойские сапоги и пышные седые усы, которые, казалось, жили своей собственной жизнью: то вздрагивали, то топорщились, когда он говорил.

— Ты тут уже почти свой, — сказал он, окинув меня внимательным взглядом. — Вижу, что не просто мимо проходил. Если хочешь осесть, у меня есть участок на окраине. Там тихо, ветер не такой злой, и вид хороший — на источники. Построишь дом, если захочешь. Тут это не трудно: город сам отдаёт материалы тем, кто готов их собрать.

Я кивнул, ещё не зная, всерьёз ли думаю о доме, но в груди шевельнулось что-то похожее на предвкушение. Участок на окраине, собственный угол в этом странном, шумном, живом городе — звучало почти как обещание.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая ржавые крыши в тёплые оттенки, и Гаражград будто становился мягче, теряя свою угловатость. Тридцать три жителя — и каждый со своей историей, своим делом, своей тайной. Я пересчитал в уме тех, с кем уже успел поговорить, и улыбнулся: квест ещё не закончен, но я уже чувствовал, что этот город потихоньку становится моим.

Я шёл по извилистой тропе, которая петляла между ржавыми контейнерами и остатками старых машин, и чувствовал, как город понемногу раскрывает свои секреты — не все сразу, а по крупицам, будто проверял, достоин ли я их узнать. И вот на окраине, у самой границы леса, где запах сырой земли уже перебивал запах горячего металла, я наткнулся на Смайли.

Он не носил фамилии — говорил, что фамилия для тех, кто цепляется за прошлое, а он жил настоящим. Смайли был дикарём в полном смысле этого слова: могучий, жилистый, с глазами, в которых плясали отблески костров. Доспех его был сшит из шкур, грубо скреплённых сыромятными ремнями, а в носу красовалась кость — как он сам с гордостью пояснил, это была кость из бедра дедушки.

— Дедушка всегда со мной, — хрипло хохотнул он, постучав пальцем по кости. — И советы даёт. Иногда умные, иногда просто ворчит. Но я слушаю.

В руках он держал кувалду, которая выглядела так, будто могла одним ударом развалить стену из шлакоблока. Смайли обожал охоту и не признавал ничего сложнее и честнее прямого удара. Он предложил мне сходить с ним на кабанов — не ради награды, а ради самого процесса: чтобы почувствовать, как земля дрожит под ногами, когда зверь несётся прямо на тебя, и как замирает сердце перед решающим взмахом.

Чуть дальше, в небольшом домике с вывеской в виде зелёного креста, я нашёл Франсин — пожилую женщину в зелёном комбинезоне, местного медика. Её лицо было изборождено морщинами, но глаза оставались ясными и внимательными, будто она замечала каждую мелочь: дрожь в пальцах, едва уловимый оттенок бледности, тихий стон, который человек старался скрыть. Рядом с ней стояла её дочь — Двенадцать. Имя звучало странно, но Франсин объяснила просто: девочка родилась ровно в полночь, и в тот момент казалось, что весь мир замер на одну секунду, чтобы отметить это мгновение. Двенадцать была молодой блондинкой с лёгкой улыбкой и привычкой всё объяснять дважды — один раз для разума, второй для сердца.

Они посетовали, что в городе совсем мало лекарственных трав: те, что росли возле Геотермальной, были либо слишком горькими, либо давали непредсказуемый эффект.

— Если есть время и смелость, — сказала Франсин, понизив голос, будто делилась тайной, — сходи в лес, собери, что сможешь. А если уж совсем повезёт — поищи старые аптеки в руинах. Там иногда попадаются аптечки индустриального типа. Не бог весть что, но лучше, чем ничего.

Двенадцать хихикнула, но тут же прикрыла рот ладонью, будто испугалась, что смех прозвучал неуместно.

— А ещё... — добавила она почти шёпотом, — говорят, где-то в руинах старого космопорта можно найти аптечку «Сияющего мира». Это что-то вроде легенды: самая лучшая медицина, которую только можно вообразить. Но туда никто не ходит. Слишком далеко, и там полно сумасшедших охранных роботов, которые до сих пор защищают то, что уже никому не нужно.

Франсин покачала головой, но в её взгляде мелькнуло что-то похожее на надежду — будто она сама когда-то верила в эту легенду.

На площади, где ржавые бочки служили импровизированными табуретами, сидел Сэм Робинс — гитарист с потрёпанным инструментом и взглядом человека, который видел слишком много рассветов. Он подрабатывал музыкой, но брался почти за любую работу: мог починить забор, помочь разгрузить ящики или просто посидеть рядом, пока другой человек выговаривался. Сэм предложил мне уроки игры на гитаре за тридцать монет в день.

— Не обещаю, что ты станешь виртуозом, — усмехнулся он, проводя пальцами по струнам, — но научишься чувствовать ритм. А в этом городе ритм — это жизнь. Слышишь, как гудит электростанция? Как ветер поёт в трубах? Это тоже музыка. Просто не все её слышат.

Неподалёку, в маленьком дворике, окружённом невысоким забором из сетки, бабушка Эвелин выращивала цветы. Но не ради красоты — хотя некоторые из них и правда были удивительно изящными. В основном она растила лекарственные растения: горькие травы, жгучие стебли, крошечные фиолетовые соцветия, от запаха которых слегка кружилась голова.

— Для красоты их никто не купит, — спокойно сказала она, вытирая руки о фартук. — А вот чтобы не кашлять, чтобы рана быстрее заживала, чтобы сон был крепче — за это люди готовы отдать последнее.

Рядом с цветником располагался кошачий приют. Никто в Гаражграде не заводил кошек как домашних питомцев — считалось, что в таком городе каждый должен приносить пользу. Но к Эвелин можно было прийти, чтобы просто поиграть с пушистиком, погладить его, послушать тихое мурлыканье. Взамен просили пожертвовать немного корма, хотя кошки и сами прекрасно справлялись: ловили мышей, шныряли по тёмным углам и возвращались с добычей, гордо подняв хвосты.

У кузницы, где воздух был горячим и пах раскалённым железом, работал Смити Смит — бородатый, мощный мужчина в кожаном фартуке поверх комбинезона. Он ковал не только гвозди и подковы, но и детали для машин Билли, пластины для протезов Кайды и даже украшения, которые потом продавал на ярмарке. Ему помогала Лин по прозвищу «Кнопка» — рыжая девочка-подросток с веснушками и взглядом, в котором читалось упрямство. Она была не просто помощницей, а настоящей ученицей: знала, когда подать молот, когда подсыпать уголь, когда просто постоять в стороне и не мешать.

Смити и Лин ещё и работали в карьере возле города — добывали руду, камень, старые металлические балки, которые потом шли в дело.

— Всё пригодится, — говорил Смити, обводя рукой груды обломков. — Вопрос только в том, у кого хватит ума это использовать.

А неподалёку, возле мастерской жестянщика, бегала маленькая девочка по имени Свечка. Она пока просто играла, но при этом старалась не мешать и по возможности училась у взрослых: смотрела, как Эдвард, её дедушка, чинит трубы и латает жестяные крыши, запоминала, как он подбирает инструменты и как разговаривает с металлом, будто тот мог ответить.

Эдвард был сантехником и жестянщиком одновременно — в Гаражграде редко кто мог позволить себе узкую специализацию.

Свечка то и дело подбегала к нему, задавала вопросы, которые взрослым казались нелепыми, но на самом деле были самыми важными: «А почему эта труба гудит?», «А если мы прикрутим вот эту штуку, она будет держаться?», «А можно я подержу молоток?». И Эдвард терпеливо отвечал, показывал, давал подержать, объяснял, что даже самая маленькая деталь может держать на себе весь мир — если её правильно поставить.

Я стоял посреди этого шумного, пёстрого, живого города и пересчитывал в уме тех, с кем уже успел поговорить. Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один... Осталось ещё двенадцать. И каждый из них, я чувствовал, был не просто жителем, а частью чего-то большего — частью механизма, который держал Гаражград на плаву среди ветров, пара и ржавых обломков.

Солнце опускалось всё ниже, длинные тени ложились на улицы, и город будто становился мягче, теряя свою угловатость. Квест «Знакомство с жителями» ещё не был завершён, но я уже понимал: дело не в награде. Дело в том, что эти люди — со своими странностями, привычками, надеждами и страхами — постепенно становились для меня почти семьёй. И я хотел узнать их всех. До последнего.

Я шёл по улицам Гаражграда, и с каждым шагом город всё меньше казался просто нагромождением мусора — он становился живым, дышащим существом, у которого были свои привычки, свои ритмы и свои маленькие тайны. Я уже успел познакомиться с доброй половиной жителей, а теперь начал замечать, что некоторые попадают мне по второму кругу, будто город нарочно сводил меня с теми, кого я уже знал, чтобы показать их с новой стороны.

У Билли, в углу мастерской, за импровизированным столом из ржавой двери, сидели четверо и резались в покер. Тут были и «Бобёр» Вудди, и рыбак Вилли, и сам Билли, а ещё — курьер Шинджи Фам. Он был вьетнамцем, судя по фамилии и мягким чертам лица, и разбегался на своём багги в город свинолюдей — торговал, договаривался, привозил редкие детали и слухи. Карты у них были потрёпанные, с разными рубашками, а в колоде не хватало пикового короля.

— Эх, вот бы новый набор, — вздохнул Билли, разглядывая свои карты и хмурясь. — А то не поймёшь, где блеф, а где правда.

Вилли хмыкнул:

— Может, парень поможет? Он вроде везде летает.

Все четверо посмотрели на меня, и в их взглядах не было давления — скорее, надежда, что я смогу сделать хоть эту маленькую вещь.

— Поищу, — кивнул я. — Где-нибудь да найдётся.

И в тот же миг интерфейс тихо звякнул: «Новое задание: найти колоду карт для покера».

Я вышел из мастерской и поднял взгляд к северной вышке. Там, где обычно стоял Вудди, теперь была Инга Нуар — эльфийка с тонкими чертами лица и насторожённым, но не враждебным взглядом. Она была из «Светлых» эльфов, и её история была такой же острой, как наконечник её стрелы. Когда-то её семью угнали в рабство «Тёмные» эльфы, и только ей одной удалось вырваться. От позора, от чувства, что она бросила родных, она ушла к людям, нашла приют в этом странном городе, где никто не спрашивал, кто ты и откуда, а просто давал дело.

Её винтовка была не эльфийской, не изящной и тонкой, а индустриальной, тяжёлой, собранной из деталей, которые Эдвард подгонял под её хват. Патроны тоже делал он — дедушка маленькой Свечки, жестянщик и сантехник, который умел всё.

— Тут спокойно, — сказала Инга, не опуская оружия, но и не целясь. — Пока спокойно. Но я привыкла, что спокойствие — это пауза перед бурей.

Мы немного поговорили, и я понял, что она не ищет жалости, ей нужно, чтобы её воспринимали как равную. И я кивнул, будто мы заключили негласный договор: я не буду жалеть, она не будет закрываться.

От вышки я снова двинулся по улицам, чувствуя, как город мягко подталкивает меня то в одну сторону, то в другую. Снова заглянул в таверну «У Мамы» — и там, у жаровни, встретил Чипа, мужа Кайды. У него тоже были протезы — не такие изящные, как у Кайды, более грубые, будто собранные в спешке после катастрофы. Они оба пострадали от какого-то сильного взрыва, и теперь их металлические части были не только напоминанием о беде, но и знаком того, что они выжили.

Чип жарил кебабы из ящериц — мясо было тёмным, пряным, с дымком, и запах его разносился по всей таверне.

— Это тебе не кабаны, — хмыкнул он, переворачивая шампуры. — Тут нужна сноровка. Ящерица — она хитрая. Но если правильно замариновать, получается лучше любого стейка.

Кейтлин, «Мама», стояла рядом и улыбалась, будто этот запах был для неё самым родным на свете.

Я кивнул, поблагодарил за угощение, которое мне тут же сунули в руку, и снова вышел на улицу. Теперь оставалось девять жителей.

У реки, где вода бурлила от горячего источника и пар поднимался над поверхностью, словно дыхание земли, я встретил Лорен Филипову. Она была спортсменкой — стройной, сильной, с мышцами, натренированными не в зале, а в реальной жизни: лазать по скалам, таскать грузы, убегать от хищников. Мы не успели толком поговорить во время охоты на кабанов, а теперь она стояла у берега, проверяя натяжение верёвки, будто собиралась перепрыгнуть реку одним прыжком.

— Если ищешь Эдгара, — сказала она, даже не поворачиваясь, — он на электростанции. Брат. Говорит, что если не следить за турбинами каждую минуту, они взорвутся и разнесут полгорода.

Она наконец посмотрела на меня, прищурившись:

— Ты всё ещё квест делаешь? Ну, «знакомство»? Тогда иди к нему. Он ворчит, но если скажешь, что от меня — может, даже улыбнётся.

Дальше, у фермы с вывеской «Хи-хи травы», я нашёл Иджиса — светлокожего растамана с дредами и радужной шапочкой. Его ферма, как я и подозревал, специализировалась на каннабиноидах, и ассортимент у него был впечатляющим: от боевых стимуляторов, которые на время делали тебя быстрее и злее, до расслабляющих смесей, от которых хотелось сидеть и смотреть на облака.

— Бери, не пожалеешь, — подмигнул он, протягивая мне маленький пакетик. — Для души, для дела, для всего.

Я вежливо отказался, и он не обиделся — только пожал плечами, будто это был обычный день, обычные предложения, и отказ был такой же нормой, как и согласие.

Осталось семь.

А потом меня окликнул Винсент — мальчик с живыми глазами и привычкой находить неприятности там, где другие видели просто лес.

— Пойдём, — шепнул он, будто боялся, что кто-то услышит. — Я кое-что нашёл.

Он привёл меня в чащу, где деревья росли плотно, а мох покрывал землю мягким ковром. Среди корней лежал труп искателя приключений — в потрёпанной одежде, с пустым взглядом, который уже ничего не видел. И тут игра будто вздохнула, и перед глазами всплыло: «Дополнение: набор грабителя караванов активировано».

На трупе я нашёл пыльник, ковбойскую шляпу, пистолет Макарова с тридцатью девятью патронами и безразмерный рюкзак, который, даже забитый под завязку, весил не больше два-

дцати килограммов. Винсент смотрел на меня с ожиданием — не алчным, а будто хотел, чтобы я понял: это не грабёж, это выживание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.